# Олимпийское перемирие, МУС и анархия

**Евгений Прейгерман**

Опубликовано на Caliber.az

**Резюме**

Нескрываемый отказ от принципа олимпийского перемирия и зашкаливающая политизация Международного уголовного суда – одни из многочисленных признаков стремительного движения мира к состоянию естественно-природной анархии. В нем ослабевают механизмы, сдерживающие самые опасные проявления силовой политики, и постепенно распадается мировое сообщество.

**Содержание**

1 Недоверие к международному сотрудничеству
2 Анархия – мать международного порядка?
3 Сохранить международное сообщество

По итогам недавнего визита Си Цзиньпина во Францию официальные Париж и Пекин призвали установить перемирие в Украине и других вооруженных конфликтах на время предстоящих этим летом Олимпийских игр. Призыв прозвучал ожидаемо и понятно. Как известно, согласно летописям, древнегреческая традиция останавливать все войны и сражения («экехерия»), пока в Олимпии состязались атлеты, берет начало еще в VIII веке до нашей эры. Олимпийское перемирие было призвано не только устранить все преграды для проведения соревнований, но и способствовать долгосрочному миру через контакты между конфликтующими сторонами в рамках спортивных мероприятий.

Сложно сказать, насколько строго в действительности этому правилу следовали в те далекие времена, но вокруг него точно образовалась аура мифической легенды. После же возрождения Олимпийских игр в конце XIX века об олимпийском перемирии помнили, но редко соблюдали его в полном объеме. Лишь в 1992 году Международный олимпийский комитет попытался полноценно восстановить

традицию. А в октябре 1993 года Генеральная Ассамблея ООН призвала государства-члены организации соблюдать перемирие в период, начинающийся за семь дней до открытия и заканчивающийся через семь дней после закрытия каждых Олимпийских игр. Правда, и это не привело к кардинальному улучшению ситуации, и орудия далеко не всегда умолкали во время праздника мирового спорта.

Однако сам принцип долго оставался безоговорочным: его правильность, справедливость и легитимность признавались повсеместно. Оспаривать его публично казалось равносильным, например, оспариванию библейских заповедей. И в этом смысле он отражал нечто большее, чем просто идею прекращения войны на время Олимпиады.

> Принцип олимпийского перемирия (даже если в полной мере он не работал) как будто объединял общечеловеческими ценностями и правилами народы вне зависимости от имеющихся между ними противоречий. Он показывал, что на планете существует мировое сообщество, а не просто набор отдельных, мало связанных между собой государств.

Можно сказать, что в какой-то степени олимпийское перемирие даже символизировало само международное сообщество.

## Недоверие к международному сотрудничеству

Поэтому совместный призыв Си Цзиньпина и Эммануэля Макрона прозвучал предсказуемо и понятно. Для Франции, где и пройдет очередная Олимпиада, важно, чтобы никакие существующие или новые кризисы не омрачили организуемый ею престижнейший спортивный форум. Китай же, который сам принимал зимние Олимпийские игры всего два года назад, должен был поддержать заявление из чувства солидарности и правила хорошего дипломатического тона. Пожалуй, из-за такой банальности всей ситуации медийные сообщения о французско-китайском призыве к олимпийскому перемирию не стали громкой новостью, не породили серьезных ожиданий.

Не стало громкой новостью и то, что обе непосредственные стороны российско-украинского конфликта быстро отвергли призыв. Владимир Путин по итогам переговоров с Си Цзиньпином заявил, что «принципы олимпизма, и в том числе

олимпийского перемирия, являются очень правильными». Однако, по его словам, сами международные спортивные чиновники нарушают принцип Олимпийской хартии: «сами нарушают, а от нас требуют исполнения».

В свою очередь, Владимир Зеленский просто сказал, что не верит в идею перемирия и назвал ее «неживой историей».

В основе такой реакции Москвы и Киева, очевидно, лежит полное недоверие. Не только и не столько друг к другу, сколько к международным договоренностям и способности инициаторов и сторонников таких договоренностей обеспечивать их соблюдение. К международному праву и международным институтам. Да и к ценности международного сотрудничества как такового. Все больше по планете распространяется убежденность, что в условиях деградации выстраивавшейся после Второй мировой войны архитектуры международного взаимодействия проявлять добрую волю и идти на компромиссы ради общего блага становится как минимум невыгодно, а часто – и вовсе опасно.

> Сама мысль о том, что для обеспечения собственных интересов и безопасности можно всерьез положиться на что-то, кроме силы, быстро уходит из мироощущения политических лидеров и элит.

В результате неудивительно, что вовлеченные в конфликты и боевые действия акторы уже даже не хотят притворяться по поводу «очень правильных» принципов. Не видят смысла тратить на это время и дипломатические усилия. Не считают необходимым даже делать вид, что относятся к таким принципам ответственно и готовы договариваться во имя мира, справедливости и общепланетарной стабильности. Они просто и без лишних оговорок констатируют, что «история неживая» и на ней, как выразился Путин, «долго не уедем».

Сюжет с французско-китайским призывом к олимпийскому перемирию — лишь одна и на самом деле далеко не самая существенная зарисовка к теме растущей дисфункциональности международных институтов и сотрудничества. Из-за ауры древнегреческой мифологии эта зарисовка кажется особенно символичной, но чтобы действительно понять глубину и системность современного кризиса, достаточно обратить внимание на ситуацию с международным правом.

## Анархия – мать международного порядка?

Буквально на глазах международное право все в меньшей степени выполняет свою базовую функцию — служить крепким фундаментом для цивилизованного международного общения и сотрудничества, а также обеспечивать его справедливость и предсказуемость. И все в большей степени государства и негосударственные акторы цинично используют международное право для достижения собственных целей, делают его инструментом политического манипулирования и способом навязать собственные интересы другим.

Яркий пример к этому тезису — то, что происходит внутри и вокруг Международного уголовного суда. В том числе наиболее резонансные решения МУС последнего времени по России и Израилю. Сейчас не будем вдаваться в детали и обоснованность каждого из этих кейсов, но подчеркнем наиболее очевидное. Механизм, который по определению должен быть исключительно юридическим (и именно таким образом должен служить опорой всей мировой правовой системы) с самого начала получился политическим. Уже переговоры вокруг главного документа МУС – Римского статута – во второй половине 1990-х годов и процесс его ратификации в 2000-х указывали на будущие проблемы. Но в относительно спокойные и стабильные времена, то есть до выхода военно-политического противостояния между крупнейшими геополитическими антагонистами на поверхность, эти проблемы оставались не слишком заметными. Теперь же и они вышли на поверхность. МУС быстро оказался в центре политических и информационных манипуляций, что полностью перечеркивает даже гипотетические надежды на его превращение в беспристрастный венец всей системы международного права.

Закономерным следствием таких процессов становится то, что мир все более стремительно движется к «нулевой отметке». К своему первоначальному состоянию до возникновения разветвленного международного права и опирающихся на него международных институтов.

> То есть к естественному положению мировой анархии, которое даже не маскируется под упорядоченную иерархию правил, норм и принципов международного поведения.

Как известно, теория реализма, одна из наиболее системных и влиятельных интеллектуальных школ в науке о международных отношениях, возникла на базе понимания главной особенности, которая отличает международную политику от внутригосударственной. В последней всегда есть легитимная сила финальной

инстанции — само государство. Оно имеет абсолютное суверенное право и даже обязанность принимать окончательные решения по любым спорным вопросам на его территории и использовать все доступные средства принуждения, в том числе насилие, чтобы обеспечить выполнение своих решений. Эта функция в разных политических системах реализуется по-разному, но везде обоснована верховенством государственной власти в рамках признанной суверенной территории.

В международных отношениях такого верховенства власти нет и в принципе не может быть. При всей разности государств, их размеров, военных, политических и экономических потенциалов, в отсутствие признаваемой ими всеми общемировой силы-арбитра последней инстанции они все суверенно равны между собой. В том смысле, что каждое суверенное государство принимает окончательные решения на своей территории, в том числе в вопросах внешней политики и национальной безопасности.

Это и есть анархия в международных отношениях. Притом здесь анархия не обязательно синонимична беспорядку. Если в системе нет высшего арбитра, то ее функционирование обеспечивается ежедневным взаимодействием суверенных государств и согласованием норм и правил их сожительства. Каждое государство при этом опирается на имеющиеся в его распоряжении ресурсы: прежде всего силовой, но не только. Мир и сотрудничество достигаются с помощью постоянного «нащупывания» баланса сил и интересов, а также прагматичных калькуляций каждым государством собственных ресурсов и потребностей.

Понятно, что периодически такая система дает сбои, притом иногда очень трагичные. Чем больше в мире суверенных государств, тем им сложнее точно определять мировые и региональные балансы сил, согласовывать многочисленные интересы, и тем выше вероятность конфликтов. Поэтому веками лучшие умы теоретиков и практиков искали ответ на, пожалуй, один из главных вопросов. Как в условиях заложенной природой международных отношений анархии сдерживать наиболее безобразные ее проявления? Такие, которые история увидела, например, в рамках двух мировых войн и многих других более локальных катастроф.

## Сохранить международное сообщество

Повторимся: достигнуть настоящей политической иерархии, как внутри государства, в отношениях между суверенными странами невозможно. Но у некоторых представителей школы реализма (одним из наиболее ярких примеров

был Генри Киссинджер) возникла идея хотя бы немного приблизиться к выстраиванию иерархичной структуры общемирового общения и сотрудничества с помощью международного права и институтов. Они полагали, что если сделать их общепринятой универсальной нормой, то в результате появятся сдерживающие и страховочные механизмы против самых опасных проявлений анархии в международных отношениях.

Сейчас, восемь десятилетий после того, как эти идеи стали масштабно реализовываться на практике в рамках системы ООН и других международных институтов, можно констатировать, что они точно не были лишены смысла. Благодаря им удалось предотвратить множество конфликтов и спасти миллионы жизней (хотя и чудодейственной панацеей они, разумеется, не стали).

> Однако устойчиво работать эти идеи могут лишь тогда, когда на то сохраняется суверенная воля государств. Иных способов имплементации международного права просто не существует.

Можно, конечно, пытаться навязывать интерпретацию и выполнение норм права силой. В отдельных случаях это даже получается. Но, как показывает опыт последних десятилетий, такие попытки со стороны ведущих мировых держав достаточно быстро приводят не к торжеству международного права, а к его краху. А вместе с международным правом — и к краху всей международной системы.

Поэтому, подчеркнем еще раз, предотвратить полный распад строившейся десятилетиями системы международного права и институтов может только добровольное желание абсолютного большинства государств. Для этого государства должны понимать, почему это соответствует их интересам. Должны прийти к выводу, что эта цель стоит того, чтобы выделять на нее усилия и ресурсы даже в условиях постоянно растущих вызовов в области безопасности. Сегодня можно уверенно констатировать, что именно такого вывода критическое большинство стран в мире и придерживается. Но расчеты и мотивация у многих государств могут меняться.

Здесь вновь вернемся к теме олимпийского перемирия как символа мирового сообщества. Как отражения того, что даже в условиях военных конфликтов страны и народы способны находить общие интересы, концентрироваться на общих ценностях и на том, что объединяет, а не разделяет. Сам по себе провал призыва остановить боевые действия на время Олимпиады-2024 еще, конечно же, не говорит о смерти мирового сообщества как такового. Но вместе с постоянно растущими взаимными рестрикциями в различных сферах, беспорядочным

использованием санкций, ограничением торговли и перемещения людей тенденции вырисовываются недвусмысленные. Если они сохранятся, то у государств в самых различных уголках планеты будет все меньше оснований держаться за международное сотрудничество и право и таким образом ограничивать самые опасные проявления мировой анархии.

**Евгений Прейгерман**
*Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»*